

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. Об учреждениях персов, различных переменах в их государстве и о том, что я считал нужным сказать о Хосрове и его роде, все это рассказано, может быть, в более растянутом, чем нужно, изложении, притом, не связанном с предыдущим, но [рассказ этот] показался мне не лишним, не бесполезным, а таким, в каком, как мне кажется, приятное соединено с полезным. Поскольку это зависит от меня, я желаю и больше всего добиваюсь, как говорится, соединения харит с музами. Я следую отнюдь не добровольно тяготеющей надо мной необходимости, хотя желания и влекут меня к иному. Писание истории является делом величайшим, святейшим, стоящим выше всякого другого занятия. [Для меня же], сказала бы беотийская лира, оно является побочным делом жизненного пути и я не имею возможности заниматься тем, чем я больше всего желал бы. Мне следовало бы ради подражания прилежнее перечитывать древних мудрецов, узнавать и выбирать все, могущее принести пользу, и быть для этого свободным и избавленным от других работ. Я же, наоборот, просиживаю у императорского портика с раннего утра и до захода солнца, изучаю и объясняю документы, связанные с судебными делами и процессами. Я чрезвычайно страдаю, когда меня беспокоят ими, и в то же время скорблю, когда не беспокоят, так как без труда и беспокойства мне невозможно обеспечить себя достаточно необходимым для жизни. Но если дело и обстоит так, я все же, поскольку это зависит от меня, не успокоюсь и не перестану заниматься любимым делом, если бы даже кто-нибудь меня и упрекал, что я берусь за дело, превышающее мои силы, и, как говорится, начинаю дело с конца, если бы даже мои труды показались кому-либо совершенно лживыми и пустыми порождениями рассеянного духа; мне самому, однако, как это бывает у наиболее неопытных певцов, они все равно не перестанут нравиться. Да чтобы не нарушать приличия слишком длинными отступлениями и экскурсами, необходимо вернуться к колхидским войнам и к прежней теме.

2. В двадцать пятый год царствования Хосрова, когда война велась в области Колхиды и Мермерой умер, пошел двадцать девятый год управления императора Юстиниана римлянами. Когда Хосрову было сообщено о смерти Мермероя, он, естественно, был очень опечален и обеспокоен этим несчастьем. А чтобы войско в Лазике не оставалось без вождя, он тотчас поставил во главе его Нахогарана, одного из самых знаменитых и знатных своих людей.

Когда тот, приготовив все необходимое, направился в путь, в Колхиде произошло удивительное и постыдное событие. После того как римляне, предавшись постыдному бегству, как об этом выше было сказано, оставили даже часть своего обоза для разграбления врагам, Губаз, царь лавов, считал, что нельзя переносить такого позора, и боясь, чтобы в будущем не произошло чего-нибудь еще более преступного, тотчас оповестил обо всем Юстиниана, обвиняя военачальников, возлагая всю вину на их глупость, в особенности обвиняя Бессу, затем Мартина и Рустика. Этот Рустик по происхождению был эллино-галатом. В войске он

находился не в качестве стратига или таксиарха и вообще не имел никакой военной должности. Он был только одним из служащих императорского казначейства, пришел не из того ведомства, в котором собирались общественные налоги (это было поручено другому), но того ведомства императорской сокровищницы, откуда посылались средства для награждения отличившихся в боях. Поэтому этот человек не играл второстепенной роли, но был среди наиболее авторитетных людей, так что ему сообщались военные тайны, а распоряжения вождей тогда только считались действительными и должны были быть выполнены, когда это ему было угодно. Юстиниан уже раньше был недоволен Бессой. Ему надлежало по взятии крепости Петры до прихода Мермероя загородить, как можно более тщательно, все проходы из Иверии.[54] Он мог с этой стороны сделать недоступными для варваров горы Лазики. Этому способствовала сама природа местности. Он же всем этим по небрежности пренебрег, занятый объездом вверенных ему городов и вымогательством у них денег. Вспомнив об этом, когда до него дошло новое обвинение, Юстиниан легко ему поверил. Бесса был немедленно лишен власти. Имущество его было конфисковано. Он был выслан в страну абасгов и там должен был оставаться, выжидая дальнейших о нем распоряжений. На Мартина [император] был сильно рассержен, однако оставил ему высшее командование. Среди военачальников он был первым, Юстин вторым, Буза после него и затем по порядку все остальные. И раньше никогда Мартин и Рустик не относились к Губазу чистосердечно, но глубокое и жестокое соперничество, едва прикрытое, разгоралось между ними, хотя еще не вылилось в открытый пожар. Началось оно завистью и клеветой, а затем было подогрето и увеличено постоянным и безрассудным подозрением. Рассматривая все его действия с предвзятой точки зрения и муча этим себя, они питали и укрепляли соперничество. Губаз знал об их ненависти к нему и подозрениях и, вызванный на ответную ненависть, часто называл их трусами и хвастунами, которые не заботятся о серьезных делах. На пирушках перед собеседниками он настойчиво выражал свое негодование, и если к нему приходило посольство от соседних народов, и тогда он не скрывал своих нападок на них и не умалчивал ни о чем. Они же, не перенося этого, разгневанные его доносом императору и считая, что он не прекратит доносов, если они еще допустят ошибки, решили устранить Губазу, чтобы этим отомстить за полученные обиды и освободить себя от всяких опасений на будущее время.[55]

3. Обсудив тщательно между собою этот вопрос, и, наконец, придя к выводу, что прежде чем убить его, нужно попробовать заручиться согласием императора, они посылают в Византию Иоанна, брата Рустика, сообщить императору, что Губаз изобличен в благожелательном расположении к Персии. И вот Иоанн, добившись тайной аудиенции у императора, оклеветал Губазу, как уже отпавшего от римлян, и утверждал, что он скоро предоставит персам всю страну, если только каким-нибудь способом ему не помешают в этом. Император был поражен этим неожиданным известием, но не поверил ему полностью. Придерживаясь

средней линии, он сказал: «Позаботьтесь, чтобы этот человек был здесь». Иоанн же, боясь, чтобы не раскрылась клевета, когда тот придет, сказал: «Будет исполнено, господин. Однако, что нам делать, если он не пожелает добровольно отправиться сюда?». - «Нужно принудить, как подданного, - ответил император, - нужно употребить все средства прислать его сюда». Иоанн тотчас оборвал его: «Если он, принуждаемый, будет сопротивляться, то что делать с ним?» - «Что же другое, как то, что полагается с тираном; пусть погибнет жалкой смертью», - ответил император. «Следовательно, - сказал Иоанн, - тому нечего бояться, кто его убьет?» - «Нечего, - ответил император, - если погибнет как враг при сопротивлении и непослушании». Так ответил император и приблизительно то же написал начальникам войск. Иоанн ничего больше на узнавал и, считая, что его желание удовлетворено полностью, тотчас возвращается к колхам, везя это письмо. Мартин и Рустик, прочитав письмо, решили, что дело хорошо подготовлено, и тотчас приступили к его осуществлению. Итак, они призвали Юстина и Бузу, скрыли задуманное и заявили, что нужно как можно скорее идти к Губазу и обсудить с ним совместный поход против персов в Оногурис. Те поверили и отправились вместе. Их сопровождал небольшой отряд войска. Когда несчастный Губаз узнал, что к нему идут начальники войска, то, не подозревая никакой опасности, он вышел к ним навстречу у реки Хоб, беззаботный, ничего не опасаясь, сопровождаемый немногими своими, да и то невооруженными и не подготовленными к бою. Ведь он шел к друзьям и близким, не к врагам, а к защитникам страны от иноземных врагов.

4. Итак, все, сидя на лошадях, рассуждали о делах. Тогда Рустик сказал: «Ты, Губаз, должен присоединиться к нашему походу против персов и взять на себя часть наших трудов против тех, которые занимают Оногурис. Позорно терпеть их пребывание внутри нашей страны, в особенности, когда они чрезвычайно малочисленны и не могут состязаться с нами». Губаз ответил: «Вам одним, добрые люди, необходимо над этим поработать, так как вы одни являетесь виновниками того, что случилось. Ибо если бы вы не были поражены какой-то внезапной спячкой и распущенностью в ведении дел, то ни укрепление это не было бы окружено стеной, ни вы не были бы охвачены таким позорным и постыдным бегством, и вообще ничего не случилось бы недостойного. Теперь же, если вы, как говорите, желаете славы, и если вы имеете мысли, достойные военачальников, это служебное преступление вами же должно быть исправлено. Я никогда за вами не последую и не приму участия в войне, пока все, что вами упущено, не будет вами же и исправлено». Как только это было сказано, как будто бы это возражение было признаком отпадения на сторону персов, очевидного и сознательного стремления к тирании, вышеупомянутый Иоанн, явившийся вестником зла, тотчас же выхватил кинжал, поразил Губазу в грудь, но еще не смертельно. Тот же, у которого обе ноги свисали с лошади, сразу упал на землю, не столько, думаю, от силы удара, сколько от неожиданности. Один из дорифоров Рустика, выполняя приказ, ударом меча по голове окончательно добил его, барахтающегося по земле и пытающегося встать. Таким образом

был убит Губаз и по указанным причинам, как о том рассказывают люди, наиболее осведомленные. Юстин и Буза. конечно, скорбели и негодовали, считая случившееся ужасным преступлением. Однако они сохраняли молчание, думая, что это - выполнение определенного приказания Юстиниана. Все же войско лазов было охвачено огромным негодованием и скорбью, так что впредь не хотело ни соединиться с римлянами, ни воевать вместе с ними. Похоронив убитого по своему обряду, они не принимали никакого участия в войне, считая себя жестоко оскорбленными и потерявшими отечественную славу.

5. Лазы - народ очень многочисленный и воинственный. Они властвуют над многими другими племенами. Гордятся старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают и, может быть, не совсем без основания. Среди народов, находящихся под чужой властью, я не видел никакого другого, столь знаменитого, так осчастливленного избытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием необходимых продуктов, благопристойностью и прямою нравов. Впрочем, в старину жители [Лазы] были совершенно незнакомы с благами, которые приносит море, они не слышали даже названия корабль, пока туда не прибыл известный [корабль] Арго. В настоящее же время колхи совершают морские путешествия, когда это возможно, и извлекают выгоду из торговли. Их, наконец, никак нельзя назвать варварами и не так они живут, но общением с римлянами они приведены к гражданственности и законному порядку. Так что если отбросить «медных быков» [легенды], рождение людей землей и прочие баснословные и невероятные сказки, которые выдуманы поэтами об Айте, то настоящее положение вещей там можно признать гораздо лучшим, чем раньше.[56] Таковы лазы. Естественно, они считали, что им нанесена невыносимая обида, что они несправедливо лишены своего царя. Римляне же по наущению Мартина приготовились немедленно всеми силами напасть на персов, осадив Оногурис.[57] Местность эта свое имя получила в старину, когда, по всей вероятности, гунны, называемые оногурами, в этом самом месте сразились с колхами и были побеждены, и это имя в качестве монумента и трофея было присвоено туземцами. Теперь же большинством оно называется не так, но по имени воздвигнутого тут храма святого Стефана, который, говорят, первым выдержал добровольное состязание за людей, приверженных к христианству, и был побит камнями его противниками. Но нам, думаю, ничто не мешает воспользоваться старым названием, что и больше подобает истории. И так, римское войско готовилось к походу против Оногуриса. Главные виновники убийства особенно на этом настаивали, надеясь легко овладеть этим укреплением, а также на то, что император, даже узнав об их обмане, не очень на них разгневется, и конечным успехом с них будет снято всякое обвинение. Итак, военачальники и войска, расположившись лагерем в Археополе, готовили так называемые черепахи и машины для метания огромных камней и другие подобные орудия для штурма стен, если это понадобится. Черепаха - сооружение, сплетенное из прутьев, с кровлей, непроницаемое вследствие частоты прутьев, со всех сторон

прикрывающее входящих в него людей. Сверху и со всех сторон сооружение покрывают шкурами, чтобы оно было крепче и защищало от копий. Люди же внутри, находясь в безопасности, незаметно подвигают его, куда хотят. Когда же оно придвигается к башне или стене, находящиеся в нем подкапывают землю и, вынимая ее, обнажают фундамент, а затем, непрерывно работая ломами и молотами, подрывают и расшатывают основание. Так римляне готовились к осаде.

6. В это время был захвачен оруженосцами Юстина один перс, пробиравшийся в укрепление. Доставленный в лагерь и подвергнутый сечению, он был вынужден правдиво рассказать о планах своих и показал, что Нахогаран уже прибыл в Иверию. Он послан им воодушевить войско, находящееся здесь, сообщением, что полководец скоро придет. Он сказал, что персы, находящиеся в Мухиризисе и Котаисии, в скором времени придут сюда помочь своим соотечественникам. Они уже знают о нашем [римлян] походе. Когда это было сказано, римские военачальники немедленно начали совещаться о положении дел. Буза предлагал со всем войском идти навстречу наступающим врагам. Вследствие своей малочисленности они, по всей вероятности, будут побеждены, и тогда, несомненно, сдадутся очень скоро и находящиеся в укреплении, будучи лишены помощи. Если же они и будут сопротивляться, то без всякого труда будут подавлены. Это предложение понравилось даже Улигангу, вождю герулов. Он часто повторял поговорку, варварскую и незамысловатую, но дельную и полезную, что нужно сначала раздавить пчел, а затем с удобством собирать мед. Рустик же, сделавшийся самоуверенным и наглым, как думаю, вследствие своего преступления и вследствие того, что сговор с Мартином придавал ему духу, осыпал Бузу открытыми насмешками и словесными оскорблениями, говоря, что он никогда не подавал разумных советов. Он считал наилучшим никогда не подвергать войско ненужному труду. Нужно всеми силами напасть на укрепление и захватить его без больших трудностей и предупредить, таким образом, врагов извне, небольшой же отряд, если нужно, послать против неприятеля, чтобы задержать быстроту их продвижения. Разумеется, план Бузы был гораздо лучше и более соответствовал и положению дел, лучшему способу военного искусства, и соединял предприимчивость с безопасностью. Но так как, вероятно, все принимали участие в преступлении, присоединившись и последовав за преступниками, то победило худшее и вредное мнение для того, чтобы немедленно последовало наказание. Против персов, наступающих из Мухиризиса, было послано не более 600 всадников. Начальствовали над ними Дабрагез и Усигард, оба варвары по происхождению, но поставленные во главе римских когорт. Все же остальные вместе с начальниками, подойдя к укреплению, немедленно принялись за дело. Придвинув машины, пытались пробить ворота и, окружив всем множеством стены, метали копья. Персы же, прикрываясь зубцами стен, всеми силами отражали их, как этого требовала обстановка, осыпая римлян камнями и удерживая внешние укрепления. Подвешивая сверху ткани и покрываясь ими, они ослабляли этим силу ударов, которые ими везде отражались. С обеих сторон сражались с вели-

чайшими воодушевлением и ожесточением. Казалось, скорее происходит битва, чем осада, настолько велико было с обеих сторон военное воодушевление и проявление военных подвигов. Одни сражались за свою жизнь, которой угрожала немалая опасность, другие же считали позором уйти без результата, раз уже произведено нападение, не взяв укрепления, не освободив Археополя от вражеского соседства.

7. В это время другой отряд персов - три тысячи хорошо обученных всадников, - выступив из Котаисия и Мухиризиса, приближался к Оногурису. Они двигались неосторожно, не ожидая никаких враждебных действий против себя. Внезапно на них наскочили Дабрагез и Усигард со своими всадниками и тотчас обратили в бегство их, расстроенных этим внезапным нападением. Когда это стало известно осаждающим крепость римлянам, они стали штурмовать с большим жаром. Со стен стащили прикрытие и без всякого порядка, во многих местах перебравшись через стены, рассеялись по укреплению, надеясь на легкий грабеж, так как внешние враги были прогнаны и никто им внутри не угрожал. Но шедшие на выручку, как скоро узнали, что не все римское войско напало на них, что только немногие, притом скорее разведчики, чем настоящие воины, внезапно издав громкий крик, бросились [на римлян]. Те, не выдержав такой перемены, перешли к обороне, а затем обратились в поспешное бегство. Персы преследовали их на близком расстоянии.

Произошло так, что когда одни стремились захватить, другие старались скрыться. Одновременно и те, кто бежал, и те, кто преследовал неотступно, вместе добежали до остальных римских войск. Когда поднялся громкий крик, все римское войско, бросив осаду и крепость, которая считалась почти взятой, вместе с военачальниками обратилось в бегство, не успев задержаться даже настолько, чтобы разобраться в случившемся, узнать, какое число бегущих и какое преследующих, но все неслись стремглав в беспорядочном бегстве, как бы охваченные безумной паникой. Персы, окрыленные этим, преследовали бегущих еще сильнее. Находящиеся в крепости (они видели происходящее), тотчас же выйдя оттуда, присоединились к остальным персам в преследовании римлян и тем сделали их бегство еще более поспешным. Конечно, вся конница римлян в своем быстром беге легко вышла из-под ударов копий. Из пехоты же многие были перебиты, задержанные на мосту реки, называемой Чистой, через которую им нужно было перейти. Ибо там вследствие тесноты невозможно было перейти одновременно большому числу людей. Они толкали друг друга, и одни тонули в речном потоке, другие же, оттесненные назад, попадали в руки врагов. Со всех сторон доносились стоны и, может быть, все войско было бы истреблено, если бы военачальник Буза, услышав крики и цопли и увидев величину опасности, не повернул назад со своей дружиной и, выступив против варваров, не задержал их натиск до тех пор, пока римские войска, с трудом переправившись через мост, не оказались в безопасном месте и не соединились с осгальными. В прежнем лагере, который разбили вблизи Археополя, никто не остался, но в страхе пробежали через

него, оставили там весь обоз, самые необходимые предметы и предметы большой ценности и скрылись внутри страны, доставив неприятелю не только славную и громкую, но и весьма прибыльную победу.

8. Ибо они, найдя местность, лишенную людей, разрушили вал, разграбили все, что было в лагере, и радостные возвратились назад, заняв снова старые места. Стало вполне ясно, что божественное мщение за нечестивое убийство поразило римское войско, которое избрало наихудший план действий и, насчитывая не менее 50 тысяч опытных воинов, побежало так постыдно перед тремя тысячами персов, понеся притом большие потери. Сверх того, и сами виновники преступления через непродолжительное время понесли тяжчайшее наказание, как мы дальше об этом расскажем. Когда наступила зима, все войско было распределено по городам и укреплениям там, где ему было указано. Между тем положение колхов было в высшей степени запутано и неясно, так как виднейшие между ними люди недоумевали, что им делать и куда обратиться.

Поэтому собрали они в укромном месте в одном из ущелий Кавказа большинство народа, так, чтобы их планы не стали известны римлянам, и устроили совещание по вопросу, следует ли переходить к персам или оставаться еще под властью римлян. Тотчас же были отвергнуты многие предложения, одни призывающие к одному, другие к другому. Поднялся несказанный и беспорядочный шум, так что даже нельзя было разобрать, кто говорит и что говорит. Тогда их вожди призвали толпу к молчанию и предложили желающим, кто бы они ни были, выступить и изложить в порядке, что нужно делать.

Один из наиболее значительных людей среди них, по имени Айэт, который болезненнее всех переносил это преступление и больше всех возмущался им, вообще всегда был ненавистником римлян и благожелательно относился к персам, используя такой прекрасный повод, пытался раздуть значение этого события выше всякой меры. Он утверждал, что настоящее положение дел не нуждается ни в каком обсуждении. Нужно немедленно и совершенно открыто перейти на сторону персов. Другие же доказывали, что не следует так внезапно изменять всю их жизнь, а нужно внимательно обсудить этот вопрос и принять наилучшее решение.

Он же, в гневе выступив вперед, говорил, как обычно говорят на народных собраниях. Он был более искусным оратором, чем это свойственно варварам. Те аргументы, которые мог привести оратор, подкреплялись справедливостью дела. А говорил он таким образом:

9. «Если бы римляне нас оскорбили словами или намерениями, справедливо, чтобы и мы мстили за обиду подобным же образом. Но теперь как можно терпеть, что они нам причинили такое страшное зло, а мы, вместо того чтобы отомстить им за обиду, тратим время на промедления и размышления. Никто не может сказать, что враги не избличены самими делами и событиями; но нельзя сказать,

что они только это замыслили и держали в уме. Нет необходимости приводить какие-либо основания для доказательства их тайных и скрытых козней. Ведь такой выдающийся муж, как Губаз, умерщвлен самым жалким образом, как один из многих и презренных. Увяло старое достоинство колхов и в дальнейшем нам следует уже думать не о том, чтобы повелевать другими, но мы должны довольствоваться, если нас не слишком будут притеснять те, которые когда-то были нашими подданными. Разве не является абсурднейшим делом по поводу таких обид сидеть и обсуждать, будем ли считать их злейшими врагами или друзьями, хотя нужно знать, что их наглость не ограничится этим, но если мы простим это оскорбление, они на этом не остановятся; если мы останемся спокойными, они будут нас оскорблять еще бесстрашнее, ибо они всегда были жестокими по отношению к своим подданным и привыкли презирать своих клиентов. Даже царя они имеют лукавейшего, который всегда услаждается переменами в существующем строе. Поэтому-то и преступление было так быстро совершено. Он на этом горячо настаивал, они быстро и с готовностью выполнили. Мы подверглись опустошению почти что ради них; мы не дали им повода дан какой-либо обиды; не было никакого повода к вражде. Но они совершили по отношению к нам постыднейшее и жесточайшее преступление, обращаясь с нами так же, как и раньше, как бы внезапно и одновременно показав по отношению к нам все виды зла: жестокость, безумие, ненависть и тому подобное. У персов же нравы не таковы. Существует большая разница. Если они раз приобретут друзей, они всегда проявляют по отношению к ним величайшее дружелюбие. По отношению к врагу они проявляют величайшую ненависть до тех пор, пока враг остается врагом. Как бы я желал, чтобы у государства колхов была прежняя сила, так, чтобы оно не нуждалось в посторонней и чужеземной помощи, но само удовлетворяло бы своим нуждам во всех случаях - в мире и в войне.

Теперь же, когда или вследствие различия времени, или вследствие враждебности судьбы, или по обеим причинам, мы дошли до такой слабости, что подчинены другим, я считал бы наилучшим покоряться более разумным, которые сохраняют дружбу к своим и верность договорам. Так мы благополучно отделаемся от тех, кто является нашими действительными врагами; совершенное ими преступление не останется без наказания, и одновременно мы позаботимся о нашей безопасности в будущем. Ибо их лукавые и лживые нравы, которые они выставляют с обманчивой кротостью и притворной обходительностью, чтобы обманывать легковверных и затем их обижать, окажутся излишними и напрасными. У них будет отнята всякая возможность подобных действий против нас, так как у нас вследствие вражды будут прерваны с ними всякие отношения и мы открыто отделимся от них. А если они попытаются начать против нас войну и если им придется одновременно встретиться с лазами и персами и притом во враждебной стране, они не выдержат первого натиска. Недавно только со всем своим войском они сразу были обращены в постыднейшее бегство небольшим отрядом персов и еще до сих пор не отдышались

от этого бегства и, побежденные, так сказать, во всем, одной скоростью бега они победили преследующих их персов.

10. Ясной и вероятнейшей причиной этого, как всякий скажет, является трусость и порочность их планов. Ибо бесчестие им присуще как характерное и прирожденное качество. И когда к врожденным порокам присоединяется добровольное преступление, то оно удваивает бедствие погибающих по воле божественного провидения в виде искупительной жертвы за допущенное преступление, ибо победа утверждается не столько оружием, сколько благочестием, и я полагаю, что никогда преступные и нечистые люди не получают божественной помощи».

Если мы благоразумны, то нельзя присоединяться к тем, у кого нет даже здравого ума и которому враждебен тот, от руки которого зависит участь всех. Итак, показано открыто и притом скорее самими делами, чем словами, что наш переход к персам будет легким, весьма выгодным для нас и прежде всего угодным богу. И мы не будем казаться неверными и поступающими несправедливо. Ибо и раньше весьма часто мы были оскорбляемы римлянами. Однако считали нужным оставаться при старом положении вещей, считая никуда негодным производить перемены по любым представившимся случаям, хотя бы они были и очень важны, но все же были переносимы и не являлись такими совершенно непереносимыми. Но теперь, когда нас поразили чрезвычайные и непоправимые бедствия, переносить это легко без всякого огорчения, не оскорбляться такими низкими и жестокими деяниями, - это свойство не благоразумных, но робких и жалких людей, под предлогом сдержанности прикрывающих свое равнодушие к общественным делам. Большого по жестокости преступления, я думаю, никто и из чужих не укажет, и нельзя пренебрегать совершенным. Поэтому и мы не можем пренебрегать, и нашим бесчестием будет, если увидят нас, забывших своего царя и прислуживающих его убийцам.

«И если бы могло случиться, чтобы он присутствовал здесь, он, несомненно, взывал бы к вам и горячо упрекал за ваше малодушие, за то, что эти преступники еще находятся на его земле, а не изгнаны из нее давно. Но так как он не появится и не будет призывать вас, вы в своей душе представьте, что он находится среди вас и, стоя среди вас, показывает свои раны - и грудь и голову, и призывает свой народ хотя бы теперь отомстить врагам. Поэтому, кто из вас может сомневаться и раздумывать, справедливо ли колхам питать сострадание к Губазу? Если мы будем опасаться того, справедлив ли будет наш переход к персам, то нам придется бояться оказаться участниками преступления, покинув его и пренебрегая отмщением за его убийство. Мы будем считаться более вероломными, если при жизни его проявляли к нему такую дружбу, а после смерти потеряли даже память о нем. Конечно, когда дела идут хорошо, было бы великим безумием изменять старые учреждения, но когда дело обстоит совершенно иначе, я считал бы пагубным не уметь быстро приспособляться к обстановке. О постоянстве нужно судить по делам, отвечающим разуму. Сохранять настоящее положение дел не всегда похвально, но только тогда, когда

это сообразно с рассудком. Когда же случается то, чем нельзя пренебрегать и что не подобает отбрасывать, то преступником оказывается скорее тот, кто держится за старое и на этом упорствует, чем тот, кто переходит к новому. Когда об этом от нас услышат и в этом разберутся персы, они по справедливости будут обходиться с нами дружественно и будут сражаться за нас, так как они одинаково человечны и великодушны, умеют хорошо приспособиться к обычаям соседей и особенно, принимая в добровольный союз страну, столь удобно географически расположенную, и столь значительное войско, которое они хотели бы иметь с затратой больших средств и усилий. Итак, ни о чем, кроме этого не думайте, но тотчас приступим к самому делу и осуществим задуманное. Так мы добьемся величайшей славы, совершив дело правильное и справедливое, могущее принести только пользу».

II. Когда Айэт сказал это, тотчас вся толпа поднялась с криком и требовала в тот же день перейти на сторону персов, хотя те не были об этом извещены, и сами [колхи] не были настолько приготовлены, чтобы скрыть случившееся от римлян или их отразить, если они попытаются помешать переходу. Нисколько не заботясь о будущем, ни о том, во что обойдется это предприятие, толпа беспорядочно требовала ускорить решение. Ибо вообще свойственно и врожденно толпе стремиться к новизне и радоваться переменам. Эти же были сильно возбуждены и раздражены не только как варвары, но в особенности потому, что считали перемену справедливой и были восхищены речью Айэта, которая еще сильнее их возбудила и возмутила. Когда они так шумели, успокоил их возбуждение один человек по имени Фартаз, человек, пользующийся у колхов исключительным авторитетом, разумный и умеренный, очень популярный. Он устроил их задор, умоляя не решать этого дела, прежде чем не выслушают его.

С трудом приведенные к спокойствию авторитетом его имени, они остались на своих местах, а он, выйдя на середину, говорил таким образом: «Мы не испытали ничего нового, колхи, возбужденные силой красивого слова. Ибо красноречие - непобедимая сила. Оно воздействует на всех, в особенности на тех, кто никогда раньше не подвергался его воздействию. Но не таково оно для тех, кто может ему противостоять мудрым рассуждением, вытекающим из рассмотрения сущности дела. Поэтому не одобряйте то, что было сказано. Оно кажется правдоподобным только вследствие неожиданности и необычайности сказанного, а не вследствие полезности и правильности. Поймите лучше, что хотя бы эти слова и были вам очень приятны, вы можете выбрать лучшее. Лучшим свидетельством обмана пусть будет самый способ легкого убеждения. Только желающий советовать лживое нуждается в большем украшении и разнообразии речей с тем, чтобы красотою речи скорее увлечь простые души. Слушая эти привлекательные, но обманчивые доводы Айэта, вы не понимаете сами, как вас обманывают. Каждому должно быть ясно если не другое, то хоть то, что он с самого начала поставил [на обсуждение] другой вопрос, совершенно чуждый тому, ради которого мы

собрались. Так, например, когда вы все говорите, что нет ничего ужаснее случившегося и всячески осуждаете это убийство, и обсуждаете единственно вопрос, действительно ли виноваты те, кто обвиняется в убийстве Губаза, он обошел их обвинение и много слов потратил на то, что уже известно. Я также считаю проклятыми, ненавистными богу и охотно бы видел погибшими от самой жестокой казни не только прямых убийц, которые совершили преступление своими руками, но также всех тех, кто позволил совершить преступление, хотя и мог помешать, сверх того, всех тех, кто радовался этому, всех, кто не скорбел об этом.

Но если я это признаю, то отнюдь не признаю полезным переход к персам. И пусть никто не считает благоразумным и последовательным, что если по отношению к нам совершили преступление, то нужно и нам продать отечественные законы; если мы раздражены вероломством, то отсюда не вытекает, что мы должны усвоить такие же методы. И теперь мы не можем переделать то, что случилось и совершено, не нужно помыслить о том, чтобы мы, обсуждая дела с душой, охваченной гневом и негодованием, не затемнили неблагоразумно наше суждение, лишив себя возможности более здорового и разумного решения. Ибо свойство безрассудных - постоянно волноваться и терзаться прошедшим. Свойство же мужей мудрых - изучать неожиданности судьбы, не смущаться неожиданными переменами с тем, чтобы, лишившись чего-либо в прошлом, не утратить надежду на будущее.

12. Но этот советник, который давно уже благожелателен к персам и стремится всячески, чтобы мы перешли к ним, пытается запугать нас, как детей, а именно [утверждая], что римляне не удовлетворятся тем, что они против нас осмелились сделать, но поразят нас еще более жестокими бедствиями, и что их царь постоянно желает нововведений, что он является главным участником и начинщиком давно задуманного и подготовленного убийства, и, говоря это, превозносит персов удивительными похвалами, надеясь, что он убедит нас этим способом сделаться просителями и добровольными перебежчиками к тем, кто для нас по природе является величайшим врагом. К этой единственной цели он стремится, это он задумал с самого начала и, стремясь совершить то, что он заботливо обдумал и безрассудно советует, нарушает и перемешивает порядок обсуждения, делая обсуждение бесполезным. Решению обычно предшествует обсуждение, которое исследует вещи, недостаточно ясные. И только тогда, когда установлено то, что нужно делать, необходимо наличие и воли, и решимости совершить то, что задумано и постановлено. Этот же из конца делает начало, уже постановляя раньше, чем рассмотрен вопрос. Ибо какая будет польза от обсуждения, если оно последует за решением? Вы же, колхи, приступайте к обсуждению без всякой предвзятой мысли и не придерживаясь какого-либо предвзятого мнения. Как можно преодолеть превратности судьбы и направить события к желаемой цели? Нужно пользоваться иным методом, мыслить о своих делах без всякой предвзятости и свободно, гщательно взвешивать все обстоятельства для того, чтобы

принять наиболее обдуманное, вытекающее из сущности цела решение. Если мы так будем рассуждать, для нас тотчас же станет ясным, что ни римские войска, ни их военачальники, ни, меньше всего, сам император, не строили козни против Губаза. Ибо у них самих общеизвестно и установлено, что Рустик и Мартин, завидуя его счастью, были охвачены личной злобой, причем прочие вожди не только не помогали им, но даже болезненно перенесли случившееся. Бесчестно и сверх того бесполезно из-за вины одного или, может быть, двух дерзко нарушать общественные законы, которые мы привыкли соблюдать, так легко изменять весь образ нашей жизни, к которому мы так хорошо привыкли, выставляя себя предателями и дезертирами по отношению к тем, которые стоят на страже нашей страны, чтобы мы жили спокойно и безопасно, и, наконец, что является самым нечестивым, отказаться от истинной религии и священных тайн. Ибо это неизбежно произойдет, если мы перейдем на сторону ожесточеннейших врагов божественного имени. Если они запретят нам сохранять верность нашей вере, то принудят нас перейти к своей, что ужаснее этого для нас может быть, одинаково и для живых и для умерших? Ибо какую выгоду мы приобретем, если присоединим к себе (допустим, что это так) всю Персию, а погубим наши души? Но если даже сделают уступку и позволят [сохранить религию], прочного дружелюбия с их стороны по отношению к нам не будет, но будет неверное и не прямое, измеряемое одной только выгодой.

Ибо никогда не может быть прочного товарищества между теми, которые придерживаются разных религиозных верований. При отсутствии застрачивания и выгоды постоянная и прочная верность сохраняется только при согласии взглядов. Даже родственники, близкие и земляки, если лишаются единства взглядов, пользуются только именем дружбы, а на самом деле по отношению друг к другу являются совершенно чужими людьми. Итак, колхи, с какой доброй надеждой мы перейдем к персам, если они неизбежно окажутся нашими врагами, и ничего лучшего отсюда не произойдет для нас, кроме того, что мы тем легче будем притесняемы ими, так как гораздо труднее остерегаться скрытого врага, чем явного. Далее, если хотите, допустим, что все обстоит так [как говорит Айэт], что это не противоречит ни справедливости, ни чести, и будем считать, что нравы персов постоянны и верны, что они всегда будут сохранять договоры и соглашения. Но если даже это будет налицо и у нас не будет никакого другого препятствия, то все же наши силы для этого предприятия недостаточны. В самом деле, каким образом мы перейдем к ним, когда нам угрожают римляне и притом настолько многочисленные и сильные, имеющие виднейших вождей? Каким образом мы избежим жесточайшего возмездия, когда те, которым надлежит прийти к нам на помощь, будут медлить вдали в Иверии или медленно оттуда двигаться, а те, которые будут осуществлять возмездие, занимают всю страну и обитают в наших городах?

13. Хотя этот благородный человек и говорит, что они не выдержат и первого нашего нападения, используя в каче-

стве довода то, что недавно случилось, но кто не знает случайностей войны и того, что она отнюдь не протекает в определенном порядке! И злая судьба не всегда будет преследовать тех, которые сейчас очень плохо ведут свои дела. Напротив, победа часто переходит к побежденным и исправляет превратности судьбы. Поэтому нам не подобает быть чрезмерно самоуверенными, как будто им уже предопределено сообразно с их правами и привычками во всех сражениях терпеть поражения. Если они побеждены только потому, что действовали не так, как должно, то этот пример нужно обратить в нашу пользу и предупредить опасности, вытекающие из необдуманных решений. Таким образом, из предшествующих случаев мы не можем обнадеживать себя верной победой над ними. Правдоподобно, что те, которые раньше ошибались, наученные самим опытом, чего нужно избегать, будут вести свои дела в дальнейшем с большей заботливостью и исправят то, что раньше было упущено и пренебрежено. Если же бог им враждебен за совершенное преступление, и за это они подвергаются бедствиям, зачем нам вмешиваться и предлагать ему наше содействие, как будто он сам не осуществит правосудие и как будто он нуждается в нашей помощи? Какой большой пример бесчестия останется для других, если мы оскорбим нашим отпадением высшее благо, которое и при нашем спокойствии защищает нас должным образом. Пусть никто не показывает нам мертвого Губаза, выступающего среди нас с малодушными речами и умоляющего своих соотечественников жалиться над ним, показывая нанесенные ему раны. Это, может быть, и подходит изнеженным порочным душам, но отнюдь не свойственно царю, притом царю лазов, а тем более Губазу. Ибо, если бы он в самом деле присутствовал среди нас, то, как человек благочестивый и здравомыслящий, он, несомненно, сурово осудил бы нас за подобные замыслы и дал бы нам наказ не падать так духом и не впадать в расслабление, не скрываться тайно по обычаю рабов, но мужественно противостоять несчастью, придерживаясь, в большей степени, колхского образа мыслей, свободного от предвзятости, и не допускать ничего позорного, недостойного отечественных нравов, остаться при настоящем [порядке], быть убежденными, что божественная помощь никогда не оставит народ колхов. Поэтому не является ли высшей безрассудностью [тот факт, что] в то время, как он, насильственно умерщвленный, несомненно, учил бы нас так, мы для того, чтобы показать наше к нему расположение, думаем как раз противоположное? Я боюсь, чтобы мы не подверглись величайшему наказанию уже за то, что обсуждаем и обдумываем подобные планы. Наконец, если бы мы замыслили отпадение в деле сомнительном, допускающем разные решения, то и тогда было бы рискованно в вопросах такой важности зависеть от случайности, но тогда было бы позволено создателям этого плана рассуждать свободнее и беззастенчивее. Но если порочность этого совета и бедствия, отсюда вытекающие, для всех ясны и очевидны, разве не достойны вашей ненависти те, которые наталкивают вас на этот путь? Поэтому нужно воздержаться от всего этого, и это умеренно сказано. Я же думаю, что о случившемся нужно сообщить императору и просить его по справедливости покарать главных виновников этого преступления. Если он

пожелает это сделать, раздоры наши с римлянами тотчас прекратятся, и наше старое и привычное братство с ними в трудах и походах возобновится. Если же он откажет в нашей просьбе, то тогда только надлежит нам обсудить, не выгоднее ли нам вступить на другой путь. Если мы так сделаем, то нас нельзя считать забывающими об умерщвленном Губазе, и в то же время мы не окажемся действующими скорее безрассудно, чем по расчету».

14. Когда это было сказано, колхи, как говорится, пропели палинодию и изменили решение. В особенности к этому их побудила боязнь лишиться истинного богопочитания и веры, если они отпадут к персам. После того как мнение Фартаза победило, тотчас были выбраны лучшие и знатнейшие из народа колхи, которые должны были сообщить императору Юстиниану, что было совершено над Губазом, раскрыть ему весь обман, а именно, что он никогда не был сторонником персидской партии, никогда не предпринимал ничего против римлян. Мартин же и Рустик возвели на него эту клевету за то, что он их часто порицал за многочисленные допущенные по лености и безрассудству ошибки, и убили невинного. Они просили дать душе убитого это удовлетворение. Они не сказали ничего другого, кроме того, чтобы он не оставлял неотмщенным это преступление, а царем им не назначал какого-нибудь чужеземца и иностранца, но Цату, младшего брата Губазы, который в то время находился в Византии, так, чтобы у них снова были восстановлены отечественные законы и непрерывная, нерушимая с древности последовательность царского престолонаследия. Император признал их просьбу правильной и справедливой. Он весьма быстро удовлетворил их просьбу и послал Афанасия, одного из первых членов сената, для тщательного расследования преступления и суда сообразно римским законам.

Тот явившись в Лазик, тотчас послал Рустика в город Аспарунт и держал там взаперти в местной тюрьме. Иоанну же, который обманул императора, сделался одним из главных участников преступления и пытался тайно скрыться и в бегстве искать себе спасения, на пути случайно встретился Метриан. Он был одним из императорских дорифоров, которых зовут скрибонами. Послан он был сюда, чтобы оказать помощь Афанасию и выполнять его указания. Захватив Иоанна, Метриан представил его судье, который и его послал в Аспарунт, где он содержался в тюрьме в цепях, до окончания начавшегося судебного расследования.

15. Как только началась весна, Нахогаран прибыл в Мухиризис и тотчас начал собирать войска и со всей тщательностью готовиться к войне. Равным образом и римляне, собравшись вокруг Острова, приготавливались, и развязка, естественно, задерживалась. Тогда наибольшей заботой их было приготовить все нужное для ведения войны. Уже и Цата прибыл из Византии с Сотерихом, получив царское достоинство и свои инсигнии от римского императора по старому обычаю. Этими инсигниями являлись золотая корона, усеянная драгоценными камнями, и хитон, шитый золотом, опускающийся до пят, пурпуровые сапоги и митра,

равным образом украшенная золотом и ценными камнями. Пурпуровую же хламиду носить царям лазов не положено. Но разрешена только белая, однако не обычная. Посредине с обеих сторон отсвечивает она золотым шитьем, с императорской фибулой на хламиде, украшенной драгоценными камнями и другими свешивающимися вниз украшениями. Когда Цата вступил в царском облачении в свою страну, военачальники и все римское войско, вышедшее с приветствием, встретили его с должными почестями. Они шли впереди его, великолепно вооруженные, большою частью конные. Лазы, с трудом оставив свою скорбь, обратившись к радости, провожали его, сменяя друг друга. Со всех сторон звучали трубы; знамена высоко развевались. И было торжество блестящим, горделивым и более праздничным, чем это обычно бывает в царстве лазов. Цата, ставши у власти, взял в свои руки руководство и управлял своим народом, как ему было угодно и как требовал отечественный обычай. Военачальник же Сотерих отправился в указанный ему путь. Ибо он привез императорские деньги для раздачи соседним варварам в качестве императорской субсидии. Эта раздача проводилась ежегодно с древних времен. Следовали за ним и старшие сыновья Филагрий и Ромил, чтобы тотчас по выходе из домашней обстановки приучаться к посильным трудам, так как они уже достигли возмужалости и были способны к труду. Третий же из них, Евстратий, был оставлен в Византии, так как еще был очень молод и, сверх того, слабого телосложения. Когда Сотерих пришел в страну мисимиян, они были подданными царя колхов, так же как апсильцы.[58] Но язык у них разный, так же как и нравы. Живут же они севернее народа апсильев и несколько восточнее. Итак, когда он пришел к ним, они были заняты обсуждением вопроса о намерении передать одно из их укреплений, расположенных у самых границ лазов, которое они называют Бухлоон, аланам, чтобы послы более отдаленных народов, собираясь там, получали субсидии и чтобы больше не было необходимости привозящему деньги огибать предгорья Кавказских гор и самому идти к ним.

16. Когда мисимияне об этом или узнали, или только подозревали, они послали к нему двух наиболее знатных людей, по имени Хада и Туана. Те находят его, остановившегося возле самого укрепления. Подозрения их еще более усилились. Они сказали: «Ты хочешь нас обидеть, военачальник. Не подобает тебе позволять другим отнимать наше, ни самому этого желать. Если же у тебя нет такого намерения, как можно скорее отсюда уходи и избери себе другое местопребывание. У тебя не будет недостатка в необходимых продуктах: мы все будем доставлять. Здесь же тебе оставаться нельзя никоим образом, и мы не допустим, чтобы ты медлил и оставался здесь».

Сотерих полагал, что никак нельзя стерпеть столь дерзкие речи. Считая, что нельзя позволять подданным колхов, которые повинуются римлянам, так неистовствовать против римлян, он приказал своим телохранителям избить их палками, которые те носили. Те жестоко с ними расправились и отпустили их полумертвыми. Совершив это, Сотерих оставался там же, полагая, что из этого не произойдет ника-

кой беды и что ему так же нечего бояться, как если бы он подверг телесному наказанию своих преступных рабов, и затем, когда настала ночь, беззаботно лег спать, не расставив никаких караулов. Равным образом его сыновья, спутники, домашняя прислуга и рабы, следовавшие за ним, все они более беззаботно, чем следовало в неприятельской стране, предались сну. Между тем мисимияне, не стерпев полученного оскорбления, вооружившись, набросились на них и, ворвавшись в помещение, где почивал военачальник, немедленно перебили спавших рабов. Когда, естественно, поднялся сильный крик и шум, сознание беды дошло до Сотериха и прочих, которые там находились. Когда они со страхом соскочили со своих постелей, еще отягченные и расслабленные сном, то совершенно не могли защищаться. У одних закутанные шкурами ноги препятствовали движению. Другие же, бросившись за мечами, чтобы принять участие в беспорядочной схватке, беспомощно металась впотьмах, не зная, что делать, и наталкивались на стены, забыв, где положили оружие. Некоторые, отчаявшись в обрушившемся на них бедствии, ничего и не предпринимали, а только звали один другого и издавали жалобные вопли, не зная, что предпринять. Когда они находились в таком состоянии, ворвавшиеся варвары изрубили самого Сотериха и его детей, и всех прочих; разве только кто случайно ускользнул через заднюю дверь или другим способом. Когда преступники это сделали, они ограбили поверженных и все имущество, которое те привезли с собою, и сверх того императорскую казну, расправившись [с Сотерихом и его свитой] как с настоящими врагами, а не друзьями и господами.

17. Когда, после совершения этого жестокого убийства и выполнения преступного замысла, разгоряченные их страсти улеглись и гнев утих, тогда, рассмотрев совершенное ими, они начали задумываться и поняли, какой жребий ими брошен, а именно, что в ближайшее время придут римляне для отмщения, а они не смогут выдержать их нападения.

Поэтому открыто отпав [от римлян], они перешли на сторону персов и послали посольство, добиваясь, чтобы те приняли их под свою защиту и немедленно оказали бы им помощь, как своим подданным. Известие это, сообщенное римским военачальникам, вызвало у них гнев и величайшее огорчение. Но они никак не могли немедленно отомстить мисимиянам, поглощенные еще более важными заботами, так как Нахогаран уже вел 60 тысяч вооруженных людей к Острову, который в то время занимали Мартин и Юстин, сын Германа. Наемники же из гуннов, которых называют савирами (у римлян находился отряд - около двух тысяч тяжело вооруженных, которыми предводительствовали Баимах, Кутилзис и Илагер, знаменитейшие у них люди), расположились лагерем у Археополя и прилегающих местностей, чтобы по обыкновению тревожить врагов, которые, как предполагалось, должны были здесь проходить, и затруднять им переход, делая его более опасным. Нахогаран же, после того как узнал, что савиры занимают эти места, тотчас послал против них отряд в три тысячи, отобранных из вспомогательных дилимнийских войск, с предписанием - он был заносчив и кичлив - всех истребить и не оставлять в

тылу у него, когда он будет идти в бой. Дилимниты - это весьма многочисленное племя, обитающее по соседству с Персидской страной, на среднем течении реки Тигра. Их можно причислить к самым воинственным народностям. Они не являются стрелками или сражающимися издалека. Они носят копье и сариссы, меч, свисающий с плеча, маленький кинжал, привязанный к левой руке, защищаются большими и малыми щитами. Их нельзя назвать ни легковооруженными, ни оплитами и тяжеловооруженными войсками. В случае необходимости они издали мечут копья и сражаются в рукопашную. Они хороши в столкновении с неприятельской фалангой и сильным натиском могут прорывать густые неприятельские ряды, опытни в перестройке боевого порядка и в приспособлении к любой случайности. Они легко взбираются на высокие холмы, занимают возвышенности и с величайшей быстротой, если это нужно, убегают назад и, снова повернувшись, с ожесточением теснят и преследуют врагов. Искушенные и весьма опытные во всех видах боевых действий, они наносят врагам весьма тяжелые удары. Уже давно приученные к войне, они издавна сражаются под знаменем персов, но не по принуждению, как подданные. Ибо они свободными живут по своим законам и не привыкли подчиняться насилию и чьему-либо произволу.[59]

18. Итак, этот отряд дилимнитов с наступлением ночи двинулся против савиров, предпочитая напасть на них, еще спящих, и таким образом легче истребить их всех. И я полагаю, они не ошиблись бы в своей надежде, если бы судьба их не обманула. Когда они шли в этот поход, им случайно в темноте и безлюдии попался один колх. Они за него жадно ухватились и принудили его стать проводником к савирам. Это поручение он весьма охотно исполнил и шел впереди их. Когда же он достиг густого леса, он постепенно собрался с духом и от них отделился. Ему удалось избежать преследования. Предупредив врагов, он быстро добрался до савиров и нашел их всех лежащими на земле и крепко спящими. «О, несчастные, - закричал он громко и пронзительно, - вы сейчас погибнете». Когда они с трудом пробудились, он объявил им, что враг сейчас нагрянет. Они с шумом вскочили, вооружившись, вышли за укрепления из кольев и, разделившись на две части, устроили засаду, оставив без охраны вход в ограду лагеря, а равным образом и хижины, построенные из кольев и шкур. А дилимниты, сделав огромный крюк по незнакомству с местностью, все же до рассвета добрались до лагеря гуннов. Уверенные на свое горе [что их не ждут], они вторгаются в лагерь, собираются внутри и, выступая молчаливо, без всякого шума, чтобы не догадались гунны и не поднялись, начинают метать копья в их убежища и хижины, рассчитывая перебить спящих и уже считая дело поконченным. Между тем, савиры, выскочив с двух сторон из засады, внезапно набрасываются на них. Они же, пораженные этим внезапным неожиданным ударом, когда надежды их сменились отчаянием, приведенные в беспорядок, не знали, что им предпринять. Ибо им, сбившимся на небольшом пространстве, было нелегко спастись бегством. Не могли они точно распознать, кто их враги, так как пришлось бороться и с ночью и со страхом. Поэтому тотчас же они были истреблены савирами, не оказав даже попытки к

сопротивлению. Восемьсот человек погибло в лагере. Остальные, с трудом выбравшись из него, блуждали беспорядочно, не зная, куда идти. Им казалось, что они убежали далеко: на самом же деле, сделав круг, они возвращались обратно и попадали в руки врагов. Так прошла вся ночь. Утром, когда рассвело, оставшиеся в живых дилимниты, узнав дорогу, бросились прямо в персидский лагерь, причем савиры и теперь не переставали их преследовать и наседать на них сзади.

Между тем военачальник Бабас, который уже давно командовал римскими войсками, находящимися в Колхиде, в это время ночевал в Археополе и, когда началась суматоха и вокруг раздался крик, не зная, что делается, но сохраняя хладнокровие, молча скрывался внутри. Когда же солнце осветило вершины гор, он быстро разобрался в происходящем, а именно, что савиры гонят дилимнитов. Тогда и он, выскочив из укрепления с отрядом, который оказался у него под рукой, учинил им немалое побоище, так что едва тысяча добралась до Нахогарана.[60]

19. Последний, потерпев неудачу в своем предприятии, тотчас направился к Острову и, разбив лагерь вблизи римлян, вызвал Мартина для переговоров. Когда тот явился, он сказал «Ты, военачальник, весьма сообразительный и благо-разумный человек. Ты один из тех, которые обладают наибольшей властью у римлян. Неужели ты не желаешь освободить каждого из наших государей одновременно от трудов и от вражды? Итак, если ты желаешь заключить перемирие и мирный договор, то перейди с войском в Трапезунд, город Понтики. Мы же, персы, останемся здесь. Благодаря этому мы будем не торопясь, спокойно договариваться о перемирии и мире, пользуясь верными посредниками. Если же ты добровольно не выведешь отсюда войско, то знай, добрый человек, что ты будешь изгнан силой. Ибо я считаю победу обеспеченной. Ее я держу в руках так же, как эту вещь». Говоря это, он показал кольцо, которое носил. Мартин в ответ сказал: «И я очень желаю и ценю мир и буду помогать осуществлению твоего предложения. Но я думаю, что мы этого добились бы лучше, если бы ты как можно скорее перебрался в Иверию. Я же возвращусь в Мухиризис, и тогда мы внимательно обсудим наши дела. Ты можешь говорить о победе кичливо и заносчиво, считать ее продажной, легко приобретаемой, зависящей от нашего усмотрения. Я же считаю, что победа зависит от единого бога, и она дается не гордецам и чрезмерно самонадеянным, но тем, кому даст это общий творец и управитель». Когда Мартин, оскорбленный заносчивостью, с большой энергией и достоинством дал этот ответ, не договорившись о мире, они прекратили переговоры. Один вернулся в лагерь, Мартин же на Остров. Нахогаран, полагая, что ему там никак нельзя оставаться, решил подойти к городу Фазису и там скорее вызвать на бой римлян. Он считал, что это укрепление очень легко взять, так как оно все выстроено из дерева, а окружающие его обширные равнины удобны для сооружения лагеря. О том, что город Фазис назван по имени реки, я думаю, всем хорошо известно. Эта река протекает около города и впадает в Эвксинское море. Город расположен у морского побе-

режья и устья. Отстоит от Острова приблизительно на шесть парасангов к западу.[61]

20. Итак, немедленно глубокой ночью спустив на реку лодки, привезенные на телегах, и связав их, Нахогаран тайно от римлян построил мост и перевел все войско на противоположный берег. Он хотел добраться до южной части города, где воды Фазиса, казалось, никак не могли ему помешать приблизиться к стене, ибо эта река уклоняется к северу и впадает [в море]. Отойдя от реки, как только стало рассветать, Нахогаран продолжал свой путь. Обойдя Остров как можно дальше, Нахогаран двинулся своим путем.

Римляне, узнав о походе почти около полудня, были этим чрезвычайно расстроены и пытались всеми силами предупредить врагов под стенами города. Поэтому, заполнив все триремы и легкие тридцативесельные суда, которые стояли в порту, они быстро понеслись по течению реки. Но Нахогаран опередил их. Дойдя до середины реки между Островом и городом, он преградил все течение реки бревнами и лодками, соединенными между собой, и сзади поставил группы слонов, там, где можно было пройти. Римский флот, увидя это издали, повернул кормы судов и отступил, усиленно гребя веслами, борясь с большим трудом против течения быстрой реки. Тем не менее персы захватили два пустых судна. Их экипаж, когда увидел, что будет захвачен [неприятелем], отважно бросился в воду, предпочитая, как полагаю, меньшую настоящую опасность большей и испытывая превратности судьбы. Поэтому с легким духом они бросились в волны и, барахтаясь в сильнейшем водовороте, с трудом добрались до своих.

Тогда римляне оставили на Острове Бузу с его войском, поручив ему заботу о всех тамошних делах и оказание помощи им, если это окажется необходимым. Перейдя снова реку и избрав другую дорогу по сухому пути, чтобы не прийти в места, уже занятые врагом, они добрались до города Фазиса, одноименного с рекой. Войдя в город, военачальники расставили по стенам караулы сообразно данным им распоряжениям. Они не считали свои силы равными неприятельским, если произойдет регулярное сражение. Юстин, сын Германа, первый располагается со своими войсками в самой возвышенной части города обращенной к морю. Немного дальше стал Мартин со своими полками. На самой середине заняли позиции Ангила с маврами-пелтасами и копьеносцами, Феодор с тяжеловооруженными щитами и Филомафий с исаврийскими пращниками и копьеметателями. Неподалеку от них расположился отряд лангобардов и герулов. Вождем тех и других был Гибр. Остальная часть стены, обращенная на восток, охранялась восточными полками под командой военачальника Валериана. Таким образом римское войско было расставлено для защиты стен.

21. Была сооружена чрезвычайно крепкая внешняя ограда, которая могла служить внешним укреплением для стены и выдержать первый натиск неприятеля. Военачальники справедливо боялись за стену, так как она была построена из дерева, из-за ветхости была разрушена в нескольких мес-

тах. Поэтому они выкопали глубочайший круговой ров, который так был наполнен водой, вышедшей из берегов, что она скрывала заостренные копья, густо набитые во рву, и делала их незаметными. Так как они направили туда воду из озера, которое называют малым морем и которое имеет исток в Эвксинский Понт, то легко заполнили водой весь ров. Большие грузовые суда, прибоем волн и течением Фазиса весьма близко придвинутые к стенам, имели высоко поднятые лодки, подвешенные к самой верхушке мачт и крепко закрепленные, так что они значительно превышали высоту башен. Наверху расположились воины и моряки, отобранные из наиболее смелых и воинственных, с луками и пращами. Были поставлены там и дальнестрельные орудия для их активного применения. Кроме того, на реке, с той и с другой стороны, стояли суда под начальством Валериана. Снаряжены они были совершенно одинаково и предназначались для сопротивления врагам, поражаемым с той и с другой стороны с более возвышенных мест в случае их приближения. Чтобы корабли, находящиеся на реке, не были легко повреждены кем-либо, Дабрагез, ант - таксиарх, и некий гунн, лохаг, по имени Элмингир, по приказанию военачальников снарядили десять легких судов с двойной кормой, заполнили их своими оруженосцами и, пройдя как можно дальше вверх по реке, охраняя ее с величайшей тщательностью, наблюдали со всех сторон за переездом, плавая то по середине реки, то приближаясь к тому или иному берегу, и тогда случилось нечто радостное и приятное, как на войне и в боевом столкновении. Несколько дальше от того места, где были расположены указанные суда, стояли два грузовых тридцативесельных корабля, которые, как я выше указывал, были захвачены персами, имея на борту оплитов - мидян: они были привязаны канатами к берегу. Ночью, когда все на них спали, поднялась сильная буря и растянула канаты. Давлением двигающихся судов канаты обоих кораблей были внезапно порваны. И так как не могли быть использованы весла и рулевым веслом судно не могло быть направлено, как должно, то течение подхватило их. Неуправляемые и беспомощные суда были быстро отнесены к римлянам, которыми начальствовал Дабрагез. Увидев их, последние с радостью их захватили, будучи обрадованы неожиданным приобретением, в особенности потому, что корабли, которые раньше ушли от них пустыми, вернулись, заполненные людьми.

22. В это время, снявшись с лагеря со всем войском, Нахогаран приблизился к городу, желая перестрелкой испытать римлян, произведут ли те вылазку, и таким образом яснее определить, какие военные приготовления ему надлежит делать на следующий день. Когда персы подошли на расстояние брошенной стрелы, они тотчас же по своему обычаю начали стрелять из лука. Многие римляне были ранены. Одни, защищаясь, оставались в строю, другие выходили из боя. Ангила же и Филомафий и около 200 человек из их отрядов, хотя Мартин приказал всему войску оставаться на своем месте и сражаться из укрытий, открыли ближайшие к ним ворота и бросились на неприятеля. Феодор же, начальник отряда цаннов, вначале сдерживал своих и запретил вылазку, обвиняя их в безрассудстве. Когда же

те не послушались приказания, он сам присоединился к большинству, хотя неохотно. Он пошел с ними на неприятеля, чтобы не показаться трусливым и по этой причине отказался от благоразумия. Предприятие это ему отнюдь не нравилось, но он хотел быть его участником, чем бы оно ни кончилось. И действительно все они там едва не погибли, если бы их не спасла случайность, ниспосланная богом. Ибо дилимиты, которые стояли на том месте, выстроенные в боевом порядке, видя малочисленность нападавших, в молчании их ожидали и не двигались с места. Когда же те подошли поближе, они незаметно выдвинули вперед фланги и замкнули их в плотный круг. Римляне же, охваченные со всех сторон, думали уже не о причинении врагу какого-нибудь вреда, но считали славнейшим и неслыханным деянием, если им удастся каким-либо образом ускользнуть. Итак, сомкнувши ряды, выставив вперед копья, они ринулись на неприятеля, отрезавшего им путь к городу. Когда те увидели их несущимися с огромным напором и как бы отчаявшимися в опасении, тотчас нарушили свой строй и расступились, не выдержав натиска людей, борющихся с верной смертью и на все дерзающих. Благодаря этому отходу вырвавшиеся бегством римляне с радостью оказались внутри стен и тотчас заперли ворота. Они прошли через такую опасность, не отличившись ничем другим, кроме своего бегства и спасения.

23. Носильщики же персов давно уже работали над насыпкой рва, засыпали его весь, и то, что повсеместно было разбросано и разрыто, теперь было сложено, и выровненная местность стала доступной для войска, идущего на штурм стен, и тараны и другие приспособления для штурма города без труда могли быть придвинуты к стенам. Они затратили, однако, больше времени на это, чем полагалось такому множеству работников. Ибо когда камни были во множестве свалены на землю, их не хватило для заполнения рвов. Деревья можно было добыть только вдали из срубленного леса и подвезти можно было только с большим трудом. Римляне уже раньше сожгли все постройки в прилегающей к городу местности, кроме того, все гостиницы и вообще все жилища вблизи города, с тем, конечно, намерением, чтобы враги не нашли там удобного и пригодного для их нужд материала и не могли легко соорудить осадные орудия. Больше в этот день не произошло ничего достойного упоминания. Когда наступила ночь, Нахогаран возвратился в лагерь.

На следующий день Мартин пожелал укрепить дух своих и этим нанести удар врагам. Он собрал все римское войско, как бы желая посоветоваться о настоящем положении дел. Как было им заранее подготовлено, на середину вышел никому неизвестный человек, покрытый пылью и как будто свершивший длинный путь. Он сказал, что недавно прибыл из Византии и принес письмо от императора. Получив его с большой радостью и распечатав, Мартин прочел его не про себя тайно, но пробежал одними глазами и не скрыл содержания, но прочитал громким голосом, чтобы все слышали (в письме, вероятно, содержалось нечто другое): «Мы посылаем тебе также другое войско не меньше того, которое ты имеешь, а посему, если враги и превосходят вас количест-

вом, то во всяком случае не настолько, насколько вы превосходите их храбростью, что уравнивает вашу меньшую численность и количественную несоразмерность. Но, чтобы они даже этому не радовались, прими и это войско, посылаемое не ради необходимости, а ради славы и показа. Итак, будьте бодры, сражайтесь храбро, зная, что мы сделаем все, что необходимо». Его немедленно спросили: где войско? Он ответил, что отстоит не дальше четырех персидских парасангов, что оставил его около реки Неогна, где была его стоянка. На это Мартин, притворно выражая на лице негодование, сказал: «Пусть идут назад, пусть как можно скорее возвращаются домой. Ибо я никогда не позволю им присоединиться к нам. В самом деле, недостойно чтобы эти [войска] пришли без необходимости и, не испытав опасности, приобрели одинаковую славу, чтобы исход войны приписан был бы им и, что несправедливее всего, они получили бы одинаковые награды с нами в то время, когда эти мужи уже давно являются нашими боевыми товарищами, в течение долгого времени переносили с нами огромные тяготы, часто сражались против неприятеля и уже довели дело до такого состояния, что недалек разгром врага и венец достижения полной победы. Впрочем, пусть они остаются там, пока не будут готовы к уходу. А нам достаточно этих для лучшего завершения войны». Сказав это, он сейчас же, повернувшись к войску, спросил: «А разве вы, боевые товарищи, не думаете так же?». Они же радостным криком подтвердили решение полководца, как самое правильное, а сами почувствовали себя гораздо более сильными, как будто они и в самом деле не нуждались ни в какой помощи. В особенности же побудила их к соревнованию и желанию сражаться надежда на добычу. Они думали в ближайшее время все разграбить, как будто бы враги были уничтожены. Забота у них была только о том, как разделить между собою добычу.

24. Произошло, однако, и нечто большее, чем то, на что рассчитывал Мартин. Проникнув в массы и широко распространившись, дошли до самих персов слухи, что другое римское войско дошло до реки Неогна и скоро соединится с этим. Всех охватила тревога и страх, что им, ослабленным столькими лишениями, предстоит сражаться против войска с нетронутыми силами. Нахогаран же без промедления послал отряд персидских войск сходной величины по тому пути, по которому, он думал, пройдут те, о которых был обманут молвой. Придя туда, они должны были проявить великую бдительность и тщательность в бесполезном деле. Заняв наиболее выгодные места и устроив засады, они ожидали тех, которые вовсе не должны были прийти, [ожидали], чтобы напасть на них, идущих беззаботно и беспорядочно, что было весьма естественно для собирающихся прийти неожиданно, и таким образом задержать скорость их продвижения до тех пор, пока не будет взят штурмом [город]. Таким образом, понапрасну трудился немалый отряд персов, оторванный от остального войска. Нахогаран же выступил немедленно, очевидно, желая предупредить подход тех, которые никак не могли прийти. С большим высокомерием он набросился на римлян, открыто хвастаясь и сверх того клянясь, что он в тот же день сожжет весь город со всеми

людьми. Вероятно, вследствие своей гордости этот безумец забыл, что исход сражения - дело всегда неверное и сомнительное, подверженное многим случайностям и колебаниям в ту и другую сторону, в особенности же зависящее от божественного верховного определения, так как даже важные дела не остаются всегда в одном и том же положении, но бесчисленные народы, многочисленные города и вся жизнь изменяются внезапно, приводятся в замешательство, и все надежды во всех делах постоянно колеблются и изменяются. Он же дошел до такой гордыни, что даже рабам и прислуге, которые, рассеявшись по лесу, рубили деревья или для заготовки дров, или для осадных орудий, предписал, как только [они] увидят высоко поднимающийся дым, то знали бы, что это огонь охватит римскую деревянную ограду, и, оставив свою работу, бежали бы к нему и усиливали бы огонь, чтобы легче все сжечь. Так хвастаясь, подступает он к городу и к стенам. Юстина же, сына Германа, который подумал, что Нахогаран тогда нападет на город, осенила некая мысль, как я думаю, внушенная божеством, - идти как можно скорее к святейшему храму, который у христиан в большой чести и который находится недалеко от города, и молиться о божественной помощи. Итак, отобрав из войска своего и Мартина самых храбрых и воинственных солдат и взяв пять тысяч всадников, причем все были вооружены наилучшим образом, как идущие на бой, он выступил с ними со знаменами и прочими военными атрибутами. Случайно вышло, что ни персы не заметили их ухода, ни они движения персов к городу. Последние двигались другим путем и сомкнутыми рядами начали штурм стен. Они завязали перестрелку гораздо сильнее, [чем накануне], надеясь таким образом больше устрашить римлян и как можно скорее завладеть городом.

25. Стрелы неслись до того густо одна за другой, что своим множеством закрыли все небо, как будто бы связанные между собою, так что их можно было сравнить с великим снегопадом или сильным градом, обрушившимся при сильнейшем ветре. Другие тащили осадные орудия и метали огненосные снаряды. Некоторые, прикрываясь так называемыми черепаками, топорами рубили стену. Так как она была деревянной, то могла быть легко разрушена. Иные пытались подкопать почву и добраться до основания стены и таким образом потрясти и опрокинуть то, что было сплочено и соединено. Но и римляне, стоя на башнях и брустверах, сражались с ожесточением и воодушевлением, как бы желая самим делом показать, что нет никакой нужды им в помощи новых войск. На деле ясно обнаружилось, насколько полезна и действенна была хитрость Мартина. Ибо все действовали неутомимо, ничего не упуская из того, что было необходимо для отражения врага. Ибо и множество копий и дротиков, бросаемых с высоты, поражало врагов, так как они попадали в неприкрытую укреплениями массу, которая не могла идти в другом направлении. Камни, [подвозимые] повозками, бросали на черепахи, разрушая их до основания. Кроме того, и меньшие камни, метаемые пращами, пробивали шлемы и щиты мидян и не позволяли приближаться к стенам, поражая здесь еще сильнее. Из тех же, которые, как я сказал, были расставлены в верхних лодках, одни стрелами, бросаемыми с высоты, поражали

многих, другие искусно пользовались военными орудиями. Губительные дротики, которые римляне метали с большой силой, неслись на очень далеко находившихся варваров, внезапно пронзали их вместе с лошадьми и повергали на землю. Поднялся величайший крик и трубы с каждой стороны издавали воинственные звуки. Персы гремели тимпанами и издавали громкие вопли для возбуждения страха. Ржание лошадей, стук щитов, разрывы кольчуг производили смешанный, но сильный грохот. Между тем Юстин, возвращаясь из храма, разведав, что происходит, по беспорядочному крику и шуму, тотчас повернул конницу и, построив в боевой порядок, приказал поднять знамена и всем взяться за дело, уяснив себе, что не без воздействия божества они вышли из города, чтобы внезапным нападением навести на врага панику и заставить прекратить осаду. Тотчас же, продвинувшись вперед, они увидели персов, нападающих на стены, и немедленно, издав громкий крик, в тесном строю бросились на ту часть врагов, которая в боевом порядке была расположена около моря. Отсюда они и вышли. Длинными копьями (сариссами), некоторые же действуя мечами, сокрушали все, что им попадалось на пути. Произведя сильнейший натиск на тесные ряды врагов, ударяя их по щитам, они прорвали их густой и сомкнутый строй.

26. Персы же, думая, что это то самое войско, которое, как они слышали, приближалось, уже пришло, незамеченное теми, кто был послан против них, и, будучи отделены от остальной армии [персов], были исполнены смятения и страха и приведены в беспорядочное состояние. Они начали медленно пятиться и отступать. Когда это издали увидели дилимниты (они сражались под средней частью стены), то оставили там немногих, а прочие направились к той части войска, которая находилась в особом затруднении. Ангила же и Феодор, римские командиры, о которых я упоминал раньше, заметив малочисленность оставшихся (дилимнитов) тотчас же с достаточно сильным отрядом произвели вылазку из города и некоторых из них убили. Остальные обратились в бегство, причем римляне проследовали их безостановочно. Тогда дилимниты, шедшие на помощь тесным персам, тотчас повернули обратно, чтобы идти навстречу римлянам. Считая лучшим и более разумным как можно скорее оказать помощь своим землякам, они неслись в чрезмерном усердии и неумеренной скачке, так что более уподоблялись постыдно бегущим, чем нападающим. Скакали они, чтобы помочь своим, но распространяли вокруг себя больше смятения, чем боевого духа. Персидское же войско, стоявшее ближе всего к ним в боевом строю, увидев, что дилимниты несутся такой беспорядочной толпой, считая, что это не что иное, как бегство, и решив, что они никак не навлекли бы на себя этого позора, если бы не подверглись какой-то чрезвычайной неустранимой опасности, само также рассыпалось, обратившись в постыдное бегство. Таким образом, уже замышляемое и подготовляемое бегство сделалось явным. Дилимниты, то же думая о персах, последовали за ними, и бежали одновременно обманщики и обманутые. Когда это происходило, множество римлян, выйдя из укрепления, сделали бегство персов еще более стремительным, преследуя их и уничтожая отстающих. Обрушиваясь с разных сторон

на тех, кто еще сопротивлялся и сохранял строй, они ожесточенно сражались. В то время как левое крыло варваров уже явственно слабело и распадалось, стоявшие на другом крыле продолжали сражаться с величайшей храбростью. Слоны, поставленные перед укреплениями, нападая на римлян, тотчас же приводили в смятение даже их сомкнутый строй, если где-нибудь он им противостоял. Кроме того, восседающие на них стрелки наносили большой урон нападающим римлянам и стреляли в них без промаха. Точно так же и разъезжающие [повсюду] отряды всадников удачно нападали и приводили в смятение пехотинцев и тяжело вооруженных. И уже с этой стороны римляне отступали, собираясь бежать.

27. В это время один из оруженосцев Мартина, по имени Огнарис, находясь в крайне стесненном положении, так что ему не представлялось никакой возможности бегства и уже отчаиваясь в своем спасении и как бы испытывая жребий судьбы, с большой силой поразил копьем в бровь набросившегося на него самого свирепого из слонов, причем острие копья проникло так глубоко, что конец его повис вниз. Страдая от полученной раны и сверх того напуганный болтающимся у глаза дротиком, слон тотчас попятился назад и начал метаться в разные стороны. То, болтая хоботом наподобие бича, он поразал многих персов и бросал их вверх, то, протягивая его в длину, издавал какой-то страшный и сильный крик. Сидящих на нем воинов он сильным толчком сбросил вниз и умертвил, растоптав ногами, наконец привел в беспорядок все персидское войско, а лошадей, к которым он приближался, приводил в бешенство. С поднятой гривой они противились всадникам. А тех, кого хватали зубами, раздирали и разрывали. Все наполнилось воплями и смятением. Лошади, испуганные бешенством зверя, совершенно не слушались повода и, поднимая вверх передние копыта, сбрасывали седоков, бешено скача, носились между рядами и, тяжело дыша, выпускали из ноздрей пар. Люди отступали, натываясь друг на друга, внезапно толкали один другого. Каждый старался опередить своего соседа. Многие были убиты своими, натываясь на мечи своих друзей и товарищей. Когда суматоха и смятение усилились, римляне, вышедшие из стен, и те, кто еще оставался внутри, сплотившись в единый боевой порядок, бросились на приведенных в замешательство врагов, прикрыв передний край боевого строя щитами. Те, уже истомленные, не могли выдержать этого натиска и обратились в быстрое беспорядочное бегство, разрозненные, распыленные, кто куда мог, не оказывая сопротивления преследователям. Сам Нахогаран, изумленный неожиданным исходом дела, быстро убежал, грозя всем бичом и приказывая бежать как можно скорее, что они и сами делали. Так его кичливость обратилась в свою противоположность. Римляне же только тогда прекратили преследование и избиение варваров, когда Мартин отозвал их трубою, считая сделанное достаточным, и не смягчил их души, объятые гневом. Таким образом, персы, оставшиеся в живых, с трудом ускользнули в лагерь, потеряв в этом бою не меньше 10 тысяч воинов.

Римляне, возвратившись после преследования, сожгли черепахи и прочие военные орудия персов, оставленные около стен. Когда были зажжены большие костры, злосчастные носильщики и прислуга, посланные для рубки леса, увидев издали поднимающийся высоко и расстилающийся в воздухе дым, тотчас устремились к городу, думая, что горят стены, как это кичливо раньше обещал Нахогаран. Итак, они устремились усиленным бегом, боясь, как говорят, чтобы не опоздать к празднику и чтобы все не было обращено до их прихода в пепел и золу. Они состязались друг с другом в скорости, не зная, что тот, кто придет первым, первый и умрет. Ибо все они, поочередно захваченные римлянами, были перебиты, как будто для этого они и появились. И так погибло немногим менее двух тысяч. Виновником гибели стольких рабов, совершенно неопытных в военном деле, которые никогда не вступали в строй, был Нахогаран, давший необдуманные приказания. Так заносчивость губит не только своих носителей, но и тех, кто их обслуживает и им подчиняется. После этого римляне, естественно, были исполнены лучшими надеждами, что в будущем они легко окажутся победителями, если варвары попробуют возобновить сражение. С большими почестями они похоронили своих, сколько их погибло в сражении, а их было не меньше двухсот, восхваляя их мужество и то, что они, как мужи, доказали свою храбрость. Трупы же врагов ограбили и захватили большое количество оружия и других вещей. Некоторые из убитых носили не только щиты, панцири, луки и колчаны, но и золотые цепи, ожерелья, серьги и другие того же рода женские украшения, которыми имеют привычку украшаться виднейшие и знатнейшие мидяне, и этим отличаются от толпы. Нахогаран же, хотя ему недоставало предметов необходимости и угрожала зима, по-видимому, желал продолжать военные действия и готовился к этому, но его желание и намерение не осуществилось на деле. Выслав на следующий день отряд дилимнитов на расстояние стадии и приказав им стоять против римлян в боевом порядке, тем самым демонстрируя предстоящую битву, он сам незаметно с остальными войсками двинулся по направлению в Котаисию и Мухиризису. Когда он уже прошел большую часть пути, тогда и дилимниты, свернув боевой строй, весьма легко отступили, как это всегда удается легко вооруженным, сильным и быстрым на ходу. Присоединился и другой отряд персидского войска, который раньше вследствие хитрости Мартина был послан к реке Неогну, как об этом выше рассказано мною. Как только они узнали, что персы побеждены и римляне овладели всей страной, тотчас скрытными путями, удаленными от горных дорог, они достигли Мухиризия, являясь участниками не сражений, но позора, более постыдного, чем бегство. Итак, когда все войско соединилось, оставив там большую часть конницы и назначив Вафрива, знаменитейшего мужа среди персов, их начальником, он сам с немногими возвратился в Иверию, чтобы там перезимовать.

[>>далее>>](#)